

Подія невдалого самогубства має консекутивний характер, адже після неї герой починає по-іншому мислити та діяти. Змінюється психологічний настрій, що змушує його обдумано, раціонально прямувати далі по життю. Розв'язуючи проблеми екзистенції, оповідач знаходить шлях до виконання життєвого призначення, самовдосконалюється і тим самим закладає фундамент нового світобачення. Останні слова повісті показують остаточне завершення «Старого» життя і початок «Нового»: «P.S. Я вже на березі... Я в новому світі... Порвалися усі зв'язки з світом старим і вже почалось для мене нове життя...

Прощай же навіки!

Розумієш? – На-ві-ки!!» [15, 24]

Герой повісті Івана Липи «З нового світу» втікає в "Новий світ". Оповідь набуває спокійного темпу, герой перебуває у врівноваженому стані і може давати раду своїм емоціям.

Таким чином, завдяки поєднанню різних часових вимірів, типів суб'єктивної оповіді, точок зору та зосередженні уваги на психологічних перипетіях у душі героя Іванові Липі вдалося відтворити образ людини-митця із своєрідним внутрішнім світом, спектром емоцій й світосприйняття. Дослідження творчості І. Липи має продовжуватися, не лише дозволяє згадати таку своєрідну і актуальну в наш час творчість митця, але й розкриває різноманіття тенденцій оновлення літератури кінця ХІХ – початку ХХ століття.

Список використаної літератури

1. Богацький П. [Рецензія] / П. Богацький // Книгар. – 1918. – № 5 – 16. – Ч. 9. – С. 522 – 524. – Рец. на кн. : «З нового світу» / І. Липа. — К. : Шлях, 1918. – № 16. – 24 с.
2. Липа І. З нового світу / Іван Липа. – К. : Шлях, 1918. – 24 с.
3. Папуша І. Анализ повествовательной техники А. И. Куприна в повести «Поединок» / И. Папуша. – Тернопіль : Studia Methodologica, 2002. – № 11. – С. 81 – 94.
4. Ткачук О. Наратологічні принципи прози Михайла Яцківа : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.01.01 «Українська література» / О. М. Ткачук. – К., 2011. – 20 с.
5. Ткачук О. Наратологічний словник / О.М. Ткачук. – Тернопіль : Астон, 2002. – 173 с.
6. Тюпа В. Наратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. Чехова) / В. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
7. Успенский Б. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. Успенский. – СПб : Азбука, 2000. – 348 с.
8. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
9. Шумило Н. Іван Липа – прозаїк нового часу / Н. Шумило // Дивослово. – 2009. – № 6. – С. 53–56.

Марія Санду

АЛЛЮЗИИ НА БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В РАССКАЗЕ СВЯТОСЛАВА ЛОГИНОВА «ГАНС КРЫСОЛОВ»

Святослав Владимирович Логинов – один из первых авторов «четвертой волны», тех российских писателей-фантастов, кто дебютировал на рубеже 1970-х, а активно печататься начал в 1980-х – 1990-х. Именно это поколение – Бориса Штерна и Владимира Покровского, Вячеслава Рыбакова и Андрея Лазарчука, Михаила Успенского и Евгения Лукина – на

протяжении полутора десятилетий задавало тон в отечественной фантастике. И хотя в последние годы эти авторы постепенно отступают под натиском «молодых и талантливых», им есть еще, что сказать читателю, не утратившему интерес к умной, нестандартной фантастической литературе.

Прежде всего, он начал писать фантастику в то время, когда еще не был дипломированным химиком. Самые первые его рассказы относятся к 1968 году. Святослав Владимирович Логинов к тому времени учился на первом курсе химфака. А выбор пал именно на фантастику потому, что в те времена он являлся настоящим «фэном». Выбор дальнейшей деятельности, естественно, сразу был очевиден – стать писателем.

В то время как первая публикация прошла без особого труда, ко второй он шел, хотя и уверенно, но гораздо дольше – более 6 лет. Когда его коллеги по перу, не выдерживая столь долгой пытки ожиданием, сдавались, Святослав Владимирович Логинов упорно шел к поставленной цели.

В чем только не попробовал себя автор, перед тем как приступить писательскому ремеслу. Он был разнорабочим, инженером, грузчиком, учителем химии, но большая тяга к письму не оставляла выбора, как если не заняться этим серьезно.

Святослав Владимирович Логинов писатель, который смог с помощью своих увлекательных рассказов и романов снискать отклик в сердцах разных поколений и достучаться до каждого. Подобрать сюжеты, которые придется по вкусу, многим любителям фэнтези и научной фантастики или даже тем, кто встречается с этим жанром впервые.

Еще неизученный в полной мере авторский мир этого, подающего огромные надежды, писателя даёт огромный фронт работ для современных литературоведов. Образы, созданные воображением автора, характер трансформации им традиционных мотивов и пути изобретения новых, не могут не привлечь к себе внимание исследователей.

Традиционно его произведения и он сам, и его читатели относят к жанру фэнтези. Фэнтези – это синтетический жанр фантастики, сформировавшийся на основе соединения элементов сказки, мифа и рыцарского романа. Готовя статью, мы опирались на положения, содержащиеся в статье Зинаиды Цитриной, относительно нравственной направленности современного жанра фэнтези (мысль об обязательности подчинения того выбора, который должен сделать герой, голосу его совести как обязательном и ведущем признаке этого жанра), его разновидностей, особенностей сюжетного развития этого жанра. Эта исследовательница пишет: «Фентезі дає можливість їхнім авторам, використовуючи «езопову мову», висловити власні думки, часом – розбурхані, часом – відверто сміливі. Твори цього жанру умовно можна поділити на циклічні піджанри: фентезі технічне, психологічне, філософське, політичне. Найбільш популярні сьогодні психологічне і філософське фентезі із зануренням у глибинний зміст твору, в авторські шукання. Більшість з того, що зроблено в літературі і кінематографі, живопису, архітектурі, сфері духовного прогресу протягом останнього півстоліття, є безпосереднім наслідком застосування різних гуманітарних технологій. Сучасний читач, якого вже не вразить лише фантастичними аспектами технічних чи наукових винаходів, дедалі більше цікавиться не просто сюжетом або долею героїв, а їхніми духовними шуканнями, їхнім обстоюванням власних смислів і цінностей життя. Філологія, психологія, філософія, культурологія та інші гуманітарні науки, неспокійна і завжди страждена від найменшої несправедливості людська совість дозволяють перетворити збіднену мову фантастичного роману або напівказкового фентезі у могутній художній інструмент переосмислення традиційних жанрів відповідно до потреб

людини гуманної та інтелектуальної, яка пристрасно вболіває не лише за екологію своєї планети та навколишнього світу, а насамперед за екологію власної совісті, що завжди стоїть на сторожі найлюдянішого у самій людині»[24, 63]. Близкой точки зрения придерживается и И. В. Шпак, для которой фэнтези – это вариант попытки перенести наиболее острые социальные и психологические вопросы современности в вероятностный, инвариантный универсальный контекст и тем самым достигнуть наиболее яркого и убедительного их решения[27, 367].

В еще большей мере судить о «Гансе Крысолове» как о фэнтези нам помогли замечания самого автора этого рассказа. У Св. Логинова есть краткая заметка, которая так и называется: «Фэнтези». Она включает в себя только одно предложение: «Если силы зла озлились, а силы добра раздобрели – жди новый роман» [8]. На наш взгляд, в этом одном предложении выражена суть жанра, соединяющего в себе фантастический, философский и психологический планы. А также – понимание героя фэнтези. Как правило, это носитель добра, человек, который не может примириться с несправедливостью, разрушающей миропорядок, и активно восстающий против зла. При этом он может опираться на волшебных помощников, использовать волшебные средства. Подобные сказочные элементы присутствуют в рассказе Св. Логинова. Но для нас важнее было выделить в произведении то, что приближает его к притче, в которой герой самостоятельно делает выбор, исполняя нравственный закон. Именно притчевое начало и потребовало, на наш взгляд, включение в рассказ образов и мотивов, отсылающих читателя к Новому Завету.

Как известно, притча относится к группе художественно-риторических жанров эпоса. В ней поднимаются общие вопросы мироустройства, коренные проблемы жизни людей. Уже из названия этой группы жанров ясно, что все они (и притча в их числе) основаны на иносказании (параболе). То есть, в них, как правило, идет речь о единичном, но это единичное служит иллюстрацией универсальной ситуации, имеет символический характер, то есть, указывает на глубинный смысл. Сошлемся на те положения, которые содержатся в работе Валерия Игоревича Тюпы «Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Здесь он, в частности, пишет, что притча относится к «первофеноменам» жанров. «Картина мира, моделируемая притчей, – указывает В. И. Тюпа, – предполагает ... ответственность свободного выбора в качестве бытийной компетенции персонажа, занимающего некоторую жизненную позицию. <...>. Это императивная картина мира, где персонажем в акте выбора осуществляется (или преступается) не предначертанность судьбы, а некий нравственный закон, собственно и составляющий морализаторскую «премудрость» притчeveго назидания. Притча повествует не о беспрецедентных событиях общенародной (сказание) или частной (анекдот) жизни, но о типовых поступках в типовых ситуациях, о том, что по убеждению соучастников притчeveго дискурса, случается постоянно и со многими»[22, 13]. Поскольку, как мы выше заметили, единичное в притче указывает на более общий смысл, есть основания судить о символике в притче. Символ, как показывает С. П. Белокурова, и есть разновидность иносказания. «В отличие от знака, имеющего недвусмысленное, практическое значение метафоры и аллегории, символ имеет не одно, а неисчерпаемое множество значений и обладает необыкновенной смысловой емкостью». «Символ, – продолжает она, – не рассчитан на постижение разумом или сознанием, а стремится вызвать ассоциации, эмоционально воздействовать на воспринимающего, «внушить» определенное впечатление, настроение,

состояние и тем самым заставить увидеть в предмете или явлении их глубинную, скрытую сущность» [2, 160].

В «Гансе Крысолове» С. Б. Логинов по-своему интерпретировал библейский мотив «единой истины, проповедуемой Иисусом Христом», понимая под понятием истины – чудеса. В этом рассказе автор достаточно часто ориентировался на библейский текст, о чем свидетельствуют и другие мотивы священного писания, которые можно в нем проследить. Это вполне соответствует той закономерности, на которую обратил внимание А. Е. Нямцу, когда писал, что «...среди многочисленных традиционных сюжетов, образов и мотивов разных генетических групп бесспорное лидерство по количеству обращения к ним писателей принадлежит библейскому материалу». А. Е. Нямцу посвятил изучению связи между библейским текстом и современной литературой несколько своих работ. Определяя мотивы, которыми руководствуются художники, обращаясь к мотивам и образам Ветхого и Нового Завета, он пишет, что эти сюжеты «концентрируют в себе уникальные проблемы, сохраняющие общечеловеческую значимость и актуальность во все культурно-исторические эпохи»; «регулируют динамику взаимоотношений между национальным и всеобщим, конкретно-историческим и вневременным»; «моделируют общезначимые ситуативно-эмоциональные конфликты и коллизии, обеспечивающие преемственную связь между прошлым и настоящим, общекультурным опытом и духовным контекстом воспринимающей национально-исторической реальности». «Такие модели, – отмечает ученый, – позволяют осмысливать аксиологически значимые связи и характеристики, сближающие опыт прошлого с его актуальными для современности «обыденными» вариантами» [10, 18]. В своей книге «Славянские литературы в общекультурном универсуме» А.Е. Нямцу подробно останавливается на таких проблемах: феномен Лазаря в литературе XX века, фантастические проекции Нового Завета в современной литературе. Он соотносит «Загадку Иисуса Христа» и «Загадку Иуды Искарота» с повестью С. Эрдега «Безымянная могила» и т. д. Характеризуя современную литературу, в которой очевидны аллюзии на библейские образы и ситуации, А.Е. Нямцу определяет ее как ответ на вопрос: «а что, если...». «Этим, – пишет он, – достигается преодоление стереотипов и догм, осуществляется постановка своеобразных мысленных экспериментов, осуществляется осмысление философских аспектов самого феномена веры в его многообразных проявлениях». В качестве примера подобной трансформации он приводит роман-притчу А. Кима «Отец-лес», в котором «Иисус осмысливается как космический пришелец. Тема Христа разрабатывается в романе в тесной связи с образами Деметры и Пана, мотивами славянского фольклора, языческими обрядами. Отец-лес воспринимается как емкая метафора Единого Человечества со всеми его трагическими противоречиями. Христос – Звездный Гость, утверждает автор, покинул греховное человечество, но он еще вернется и к его приходу “на земле вырастет новый Лес, благоухающий без гнева и зла”. Функционально активный и содержательно значимый в романе прием “космизации” Иисуса Христа (он – демиург, символическая материализация космической энергии) активно и многопланово используется...» [10, 402].

Рассказ Св. Логинова «Ганс Крысолов» строится на антитезе: «жизнь и связанные с нею радость и свобода – смерть и связанные с нею подавление чувств и самостоятельности». «Всюду жили чудеса» – так начинается произведение, и первое предложение в нем сразу задаёт собой стилистику фантастического повествования о необычайном. На протяжении повествования тема «чудес» постоянно поддерживается соответствующими словами («чудо», «чудесный», «волшебный» и т. д.). «Чудеса были любопытны, они тянулись к Гансу» –

сообщает повествователь о герое произведения, который сразу привлекает к себе читателя не только тем, что сам верит в чудо, но и готов укреплять в окружающих веру в чудеса, которые делают жизнь ярче и радостнее. В рассказе он выступает чем-то вроде приёмника для всякого рода чудес. Антитеза: «город-поляна» в этом рассказе тоже немаловажна. Она помогает полнее раскрыть образ главного героя.

Мир города Гамельна – серый, замкнутый, холодный и жестокий, противопоставлен живому и волшебному миру Ганса – свободе, разомкнутости леса, его гармонии. Поэтому Ганс не любит город. Он – свободная и вольная душа. Ему омерзительна и мерзка жизнь в тесноте, вони и грязи. Однако к тем, кто трудится на земле в тяжелом труде, он милостив. «...– кто испачкан в земле, тот чист», – считает герой рассказа .

Вокруг Ганса собираются дети. Он учит пришедших к нему ребятишек открывать в себе способность творить чудеса и удивляться миру как чуду. Ганс даёт детям уроки щедрости, радости, доброты и милосердия, показывает им, как хорошо жить в гармонии с миром. Он учит их тому, что чудеса есть в каждом. «Выходит, не такая простая это вещь – добро, – сказал Ганс. – Вот сейчас и подумаем вместе, каким оно может быть. Без этого у нас с вами ничего не выйдет». И, в конце концов, дети «...выяснили, какой должна быть волшебная доброта» [1, 61].

Однако есть и те, кому чужды чудеса Ганса и кто считает их неприемлемыми для этого мира. Это становится ясно, когда в повести появляется священник, видящий опасность в том, чем заняты дети и Ганс на лесной поляне, назвав происходящее «дьявольским шабашем». Самого же Ганса он сравнивает с «Сатаной», руководствуясь лишь собственным страхом и неведением. Отсюда – возможность представить в качестве непримиримых антагонистов в рассказе Ганса Крысолова и пастора Цвингера.

Образ Ганса Крысолова, собирающего вокруг себя детей и дающего им с помощью чудес уроки добра и свободы, может быть соотнесен с Иисусом Христом, собравшим вокруг себя учеников-апостолов. Ближе всего к учителю в рассказе Св. Логинова «беспризорный бродяжка Питер – беглый ученик трубочиста, маленький и неестественно худой». В Новом Завете – самый близкий Христу ученик – апостол Пётр. Питер, как и Пётр, очень жив и вспыльчив, и именно Питер первым просит Ганса научить его приманивать птиц.

Символика имен в рассказе Св. Логинова является одной из его художественных особенностей. Например, само имя Ганс, обозначающее «*милость Бога*», наводит нас на мысль, что уже на уровне номинации автор задает соотнесение своего героя с сакральным, когда мы замираем, «...не услышав даже, а просто поняв...». Или другое имя – девочки Лизхен (*Элишеба – «почитающая Бога*»). Лизхен – «защитница» старшая сестра, Гансика. Она тянется к знаниям, ей хочется знать больше, она интересуется всем необычным, Лиза ничего не боится и сама просится в ученики Ганса. А вот значения имен других детей, учеников Ганса Крысолова в рассказе: Анна (др.евр. «*благодать*»), Людвиг (др.нем. «*славный боец*»), Питер (др.греч «*камень, скала*»), два Якоба (ивр. «*следующий по пятам*»), Мари (др.евр. «*горькая*») – их имена так же косвенно или напрямую связаны с Библией.

Интересно, что фамилия Цвингер происходит от немецкого глагола «*zwingen*» – *принуждать, управлять, заставлять*. С ним в произведении связан мотив насилия. Примечательно, что в эпизоде изгнания Гансом крыс из Гамельна пастор Цвингер сам оказался по пояс в воде, что не может не навести на мысль, что этот персонаж не только явный антагонист по отношению к Гансу, такой же, как ненавистные Крысолову грызуны, но

он не менее опасен для Гамельна, чем крысы. Животные пожирают запасы еды, а пастор отравляет души.

Имя Вольфа Бюргера можно соотнести с прямым значением слова «волк» – *«родоначальник, глава племени»*. И действительно в этом рассказе он проявил себя как человек, за которым захочется следовать, ведь он мудр, и может повести за собой людей в верном направлении.

Кроме номинации персонажей, на присутствие в подтексте «Ганса Крысолова» библейского текста указывают такие мотивы:

1. Открытие Гансом для своих учеников совершенно нового понимания мира, в котором человек свободен и умеет управлять природой, не нарушая в ней гармонии, и так же, чудеса, которые совершает Ганс для детей и которые дарят радость. Уроки, которые давал детям Ганс, нравственного характера. Он их давал в форме, похожей на заповеди, но фраза «...может ли доброта обманывать» показывает, что и Ганс знает не все, на многое ему еще самому необходимо найти ответ. И он проходит этот урок вместе с детьми. В будущем к Гансу приходило еще больше учеников, и он уже начинал задумываться, с какой целью он «... старается отыскать в детях ту светлую ноту,...». Но тогда он пока не мог найти ответа. «Еще через день явилось больше полусотни мальчишек и девчонок» – дети постепенно перестают бояться этого незнакомца творящего чудеса, и им хочется следовать за ним, что является отсылкой к признанию людьми Христа. (Нелишним, также, будет вспомнить, что первое чудо, которое совершил Иисус – превращение воды в вино на бедной свадьбе, было направлено на то, чтобы доставить людям радость).

2. Непримируемость власти и жителей города к непохожему на них Гансу, взятие Ганса под стражу и суд над ним, во время которого каноник произносит: «...пусть будет по-вашему, но я умываю руки» (сравним с поведением Понтия Пилата). Здесь же и ясно другое: взрослые, в этом рассказе, не способны ни понять, ни принять Ганса, так как усвоили когда-то одну навязанную позицию, без шансов на перемену своих взглядов и принципов. Ропот и сбивчивые, невнятные рассказы со стороны свидетелей можно объяснить только элементарным людским неведением. Народ Гамельна научили мыслить так, как это было бы на руку церкви и теперь они уже не могут действовать и мыслить иначе. Вследствие этого присутствие резких возгласов из толпы, лишенных индивидуальности: «Побить камнями!». Это проявление неоправданной жестокости подкрепляемой общим страхом самому оказаться на месте наказуемого.

3. Приковывание Ганса после суда над ним к позорному столбу, где он стоит «словно распят у стены» и наказание Ганса бичеванием. Крысолова приговаривают к «позорному столбу», чтобы этим жестоким примером доказать людям всего одну идею – не идите против установленного порядка, иначе вас постигнет та же участь. Ганса приковывают к стене, где он оказывается «распят» словно Иисус. Там любой сможет ударить обвинённого, но Ганс с полной готовностью принимает все удары плетью и не пытается уклониться, потому что он находится в состоянии полного смирения. Ганс чувствует свою вину только перед детьми, которые обречены на страдания из-за него.

4. Бегство учеников Ганса из города, в котором их преследовали. Ганс, движимый желанием «возмездия», даже готов был «действовать жестоко», если понадобится, чтобы спасти Питера. Ребёнок, в понимании Ганса, непорочная душа и он искренне не понимает, как может существовать город, в котором могут лишить ребёнка жизни. Отойдя вместе с Питером недалеко от города, Ганса всё еще терзает то, что невинные дети будут страдать по

его вине. Он хочет уйти, но слишком привязан. Ганс слишком много сделал для детишек, то, чего не делал никогда. Исцеление отрешенного Ганса приходит незамедлительно благодаря его ученикам, что всё так же ждут от него уроков.

После наказания горожанами дети ушли от родителей добровольно к Гансу. Таким был зов их душ и сердец. Ганс уже был готов спрятать их от всего плохого, чтобы никто не смог их найти. Но он не смог так поступить. Дети сами должны были взвесить всё и обдумать эту серьёзную ситуацию. Ну а пока они просто ждут урока, потому, что и им и Гансу ещё многому нужно поучиться друг у друга.

Прослеженная нами символика номинации персонажей, а также выделенные нами сюжетные мотивы дали нам возможность сделать вывод о том, что история Ганса Крысолова выходит в рассказе С. Логинова за пределы единичной ситуации. В ней очевиден универсальный смысл.

В этом рассказе автором решаются общечеловеческие проблемы: может ли доброта обманывать, боится ли доброта веселья, может ли доброта быть жестокой.

Список использованной литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – С. 160-161.
2. Логинов С. Закат на планете Земля: рассказы / Святослав Логинов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 570 с.
3. Нямцу А. Е. Славянские литературы в общекультурном универсуме / Анатолий Нямцу. – Черновцы: Изд-во Черновицкого нац. ун-та, 2012. – 520 с.
4. Толоконникова С. Ю. Некоторые приметы жанра иронического фэнтези / С. Ю. Толоконникова // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 4–5 декабря 2008 г. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 398–400.
5. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер.гос.ун-т, 2001. – 58 с.
6. Цитрина З. Жанр фентезі у сучасній літературі / Зінаїда Цитрина // Всесвітня література в школах України. – 2013. – № 1 (386). – С. 58–64.
7. Шпак І.В. Фентезі як жанр масової літератури / І. В. Шпак // Література в контексті культури: Зб. наукових праць. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип. 19. – С. 354–359.

Мария Синечко

СИСТЕМА МОТИВОВ В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

В последние годы активно разрабатывается проблема мотивной организации художественных произведений. Вместе с тем, в современном литературоведении термин «мотив» не получил однозначного научного истолкования. В значительной степени расхождения в трактовке термина объясняются различными концепциями ученых.

В дальнейшем проблему мотива осмыслили Б. В. Томашевский, Б. Н. Путилов, Б. М. Гаспаров, В. Б. Мусий и ряд других. Исследуя систему мотивов в структуре повести